

Поль Мари Верлен

Стихотворения

Поль Мари Верлен Стихотворения

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21119118
0101*

Содержание

ОБЕТ	7
ПАРИЖСКИЕ КРОКИ	8
МАРИНА	9
ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ	10
БЛАГОСЛОВЕННЫЙ ЧАС	11
ГЕОРГИН	12
В ТИШИ	13
* * *	14
* * *	15
* * *	16
* * *	17
* * *	18
* * *	19
* * *	21
ПРОСТАЯ ФРЕСКА	22
ЗЕЛЕНЬ	23
* * *	24
* * *	25
* * *	28
* * *	29
* * *	30
* * *	32
* * *	33

***	35
***	36
***	37
***	38
***	40
ИСКУССТВО ПОЭЗИИ	41
АЛЛЕГОРИЯ	42
ГОСТИНИЦА	43
ПРОЛОГ	44
ПИСАНО В 1875 г.	45
ОТРЫВОК	48
НА СМЕРТЬ ЛЮСЬЕНА ЛЕТИНУА	49
К СЫНУ[2]	50
ПОДРУГИ	51
I. ВЕСНА	51
II. ЛЕТО	52
НА СТАТУЮ ГАНИМЕДА	53
ПЬЕРО	54
***	56
***	58
***	59
***	61
ВЕЧЕРНЯ	63
***	64
***	65
***	66

ASPERGES ME	67
ПОСЛЕ ВЕЧЕРНИ	68
ПРОЛОГ	69
ПЕСНЯ К НЕЙ	70
НА СМЕРТЬ ВИЛЬЕ ДЕ ЛИЛЬ-АДАНА	71

Поль Верлен

Стихотворения

Перевод Валерия Яковлевича Брюсова

ОБЕТ

Подруги юности и молодых желаний!
Лазурь лучистых глаз и золото волос!
Объятий аромат, благоуханье кос
И дерзость робкая пылающих лобзаний!
Но где же эти дни беспечных ликований,
Дни искренней любви? Увы, осенних гроз
Они не вынесли, – и вот царит мороз
Тоски, усталости и нет очарований.
Теперь я одинок, угрюм и одинок.
Так старец без надежд свой доживает срок,
Сестрой покинутый, так сирота тоскует.
О женщина, с душой и льстивой и простой,
Кого не удивишь ничем и кто порой,
Как мать, с улыбкою вас тихо в лоб целует!

ПАРИЖСКИЕ КРОКИ

Луна на стены налагала пятна
Углом тупым.
Как цифра пять, согнутая обратно,
Вставал над острой крышей черный дым.
Томился ветер, словно стон фагота.
Был небосвод
Бесцветно-сер. На крыше звал кого-то,
Мяуча жалобно, иззябший кот.
А я, – я шел, мечтая о Платоне,
В вечерний час,
О Саламине и о Марафоне...
И синим трепетом мигал мне газ.

МАРИНА

Океан сурово
Бьет глухой волной
Под немой луной, —
Бьет волною снова.
В бурях небесах,
Злобный и могучий,
Разрезает тучи
Молнии зигзаг,
Каждая волна,
В буйстве одичалом,
Бьет по острым скалам,
Рвет, встает со дна.
Машет в отдаленье
Ураган крылом,
И грохочет гром
В грозном исступленьи.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Долгие пени
Скрипки осенней
Зов неотвязный,
Сердце мне ранят,
Думы туманят,
Однообразно.
Сплю, холодею,
Вздвогнув, бледнею
С боем полночи.
Вспомнится что-то.
Все без отчета
Выплачут очи.
Выйду я в поле.
Ветер на воле
Мечется, смелый.
Схватит он, бросит,
Словно уносит
Лист пожелтый.

БЛАГОСЛОВЕННЫЙ ЧАС

Луна ала на темных небесах;
Качается туман; луг холодеет
И спит в дыму; в зеленых тростниках
Лягушка квакает; прохлада реет.
Закрылись чаши лилий водяных;
Ряд тополей в немой дали туманен,
Прямых и стройных, – призраков ночных;
Блеск светляков, над ивняками, странен.
Проснулись совы; то вперед, то прочь,
На тяжких крыльях, лет бесшумный, мерный
Свершают; у зенита свет неверный,
И, белая, Венера всходит: ночь!

ГЕОРГИН

Владычица толпы, чьи взоры с поволокой
Обходят медленно свой круг, как у вола;
Твой полный стан блестит, как твердая скала.
Ты – пышный, сочный цвет, не пахнущий, высокий,
И тела твоего проникнуты черты
Непогрешимостью спокойной красоты.
Пусть тела запахом другие нас пленят!
Где ты, там никакой не веет аромат.
Ты царствуешь, Кумир, не слыша фимиама.
Так георгин, – король, одетый в багрянец, —
Среди жасминных куп вздымает свой венец,
Благоуханий чужд, без гордости, но прямо.
Приходит ночь. Сова летит. Вот час, когда
Припоминается старинное преданье.
В лесу, внизу, звучит чуть слышное журчанье
Ручья, как тихий шум злодейского гнезда.

В ТИШИ

Там, где сумрак словно дым,
Под навесом из ветвей, —
Мы молчаньем упоим
Глубину любви своей.
Наши души и сердца,
И волненье наших снов
Мы наполним до конца
Миром сосен и кустов.
Ты смежишь глаза в тени,
Руки сложишь на груди...
Все забудь, все отгони,
Что манило впереди.
Пусть нас нежно убедит
Легкий ветер, что порой,
Пролетая, шелестит
Порыжелою травой.
И когда с дубов немых
Вечер, строго, ниспадет,
Голос всех скорбей земных —
Соловей нам запоет.

Ах! Пока, звезда денницы,
В спет дневной ты не ушла
(Из пшеницы,
Чу! Кричат перепела),
Обрати свой взор к поэту,
Посмотри в мои глаза
(Мчатся к свету
Жаворонки в небеса)!
Поспеши: твое сиянье
Быстро меркнет в синеве
(Стрекотанье,
Шум ликующий в траве!). —
И, прочтя, чем думы полны.
Разгадав все тайны грез
(Словно волны,
С ветром зыблется овес), —
Прошепчи о всем нежнее
Там, где милой снится сон
(О скорее!
Вот уж вспыхнул небосклон!).

Так это будет в летний день. В тот час
Горящий полдень, радуясь со мною,
Меж шелка и атласа с кисеей,
Еще прекрасней мне покажет вас.
И синий небосвод, как ткань в палатках,
Над нами, побледневшими тогда
От счастья, ожиданья и стыда,
Вдруг задрожит в роскошных, длинных складках.
Настанет вечер; всех маня ко сну,
Коснется ветер свадебной вуали,
И звезд приветный взор из темной дали
Поздравит тихо мужа и жену.

Один, дорогою проклятой,
Я шел, не ведая куда...
Теперь твой облик – мой вожатый!
Рассвета вестница, звезда,
Едва заметная, белела...
Зарю зажгла ты навсегда!
Мой только шаг в равнине целой
Звучал, и даль пуста была...
Ты мне сказала: "Дальше, смело!"
Я изнывал под гнетом зла
Душой пугливой, сердцем темным...
Любовь предстала и слила
Нас в счастье страшном и огромном!

Le vent dans la plaine
Suspend son haleine
Favart¹

Это – экстаз утомленности,
Это – истома влюбленности,
Это – дрожанье лесов,
Ветра под ласкою млеющих,
Это – меж веток сереющих
Маленький хор голосов.
Свежие, нежные трепеты!
Шепоты, щебеты, лепеты!
Кажется: травы в тиши
Ропщут со стоном томительным,
Или в потоке стремительном
Глухо стучат гольши.
Чьи же сердца утомленные
Вылились в жалобы сонные?
Это ведь наши с тобой?
Это ведь мы с тобой, милая,
Тихие речи, унылые
Шепчем в равнине ночной?

¹ Ветер на равнине задерживает свое дыхание. Фавар (фр.)

Целует клавиши прелестная рука;
И в сером сумраке, немного розоватом,
Они блестят; напев, на крыльях мотылька
(О, песня милая, любимая когда-то!),
Плывет застенчиво, испуганно слегка. —
И все полно ее пьянящим ароматом,
И вот я чувствую, как будто колыбель
Баюкает мой дух, усталый и скорбящий.
Что хочешь от меня, ты, песни нежный хмель
И ты, ее припев, неясный и манящий
Ты, замирающий, как дальняя свирель,
В окне, растворенном на сад вечерний, спящий?

По тоске безмерной,
По равнине снежной,
Что блестит неверно,
Как песок прибрежный?
Нет на тверди медной
Ни мерцанья света,
Месяц глянул где-то
И исчез бесследно.
Как сквозь дым летучий,
На краю равнины
Видятся вершины
Бора, словно тучи.
Нет на тверди медной
Ни мерцанья света.
Месяц глянул где-то
И исчез бесследно.
Чу! Кричат вороны!
Воет волк голодный,
Здесь в степи холодной
Властелин законный!
По тоске безмерной,
По равнине снежной,
Что блестит неверно,
Как песок прибрежный?

Деревьев тень в воде, под сумраком седым,
Расходится как дым.

Тогда как в высоте, с действительных ветвей,
Рыдает соловей.

И путник, заглянув к деревьям бледным, – там
Бледнеет странно сам,
А утонувшие надежды и мечты
Рыдают с высоты.

ПРОСТАЯ ФРЕСКА

Зеленовато-красны
Холмы и склоны эти
В вечернем полусвете
Все контуры неясны
Вот золото стремнины
Все более багрится,
На вазе без вершины
Чуть слышно свищет птица
Осенний день тускнеет,
Мечты мои бессвязны,
И грусть мою лелеет
Напев однообразный

ЗЕЛЕНЬ

Вот ранние плоды, вот веточки с цветами,
И сердце вот мое, что бьется лишь для вас.
Не рвите же его лилейными руками,
Склоните на меня сиянье кротких глаз.
Я прихожу, еще обрызганный росой,
Что ветер утренний оледенил на лбу.
Простите, что опять я предаюсь покою
У ваших ног, в мечтах благодаря судьбу.
Еще звенящую последним поцелуем,
Я голову свою вам уроню на грудь.
Пусть буря замолчит, которой я волнуем,
А вы, закрыв глаза, позвольте мне уснуть!

На улице, в оправе тесной,
Река, возникшая чудесно
За пятифутовой стеной!
В предместье мирном, ты небыстро,
Без шума протекаешь – чистой,
Но непрозрачную струей.
Шоссе широко, и, безмолвны,
Желты, как мертвый облик, волны
Один туман лишь отразят,
В тот даже час, когда, вставая,
Заря сияет, зажигая
Коттеджей черно-желтый ряд.

– Что скажешь, путник, ты про страны и вокзалы?
Собрал ли скуку ты (она давно зрела),
Плохой сигары дым пускающий, усталый,
Ты, чья нелепо тень на стену налегла?
Ах, после всех дорог, твой взор все так же мрачен,
Твоя усмешка та ж, та ж грусть в лице твоём:
Так месяц, между мачт, по-прежнему прозрачен,
Так море старое все то же, с новым днем.
Так кладбище все то ж, хотя могилы новы!
Но расскажи нам то, что видно и без слов:
Разочарованность твоей души; суровый
И горький приговор мечтам былых годов!
И ужас не забудь дней, сердце истомивших:
Зла – всюду, и Уродств – везде, на всех путях;
Политики позор и стыд Любви, заливших
Потоками чернил кровь на своих руках.
И не забудь себя: как груз своих бессилий,
Всей слабости своей, всей простоты своей
Ты влек на поле битв, где бились, где любили,
Безумней – что ни день, и что ни день – грустней!
Вполне ль наказан ты за глупую наивность?
Что скажешь? – Люди злы. – А женщины? О, кто ж
Пил влагу слез твоих? С кем знал ты неразрывность
Судьбы? И ласка чья не оказалась ложь?

Как ты доверчив был! Как грубой лести верил!
Ты помнишь ли, как ты мечтал когда-то сам
О смерти сладостной? – Теперь ты скорбь измерил.
О, ангел, падший ниц, конец твоим мечтам!
Куда ж теперь пойдешь? Скажи о новых планах?
Иль, столько плакавши, ты весь душой размяк?
По твердости коры мы судим о каштанах,
А как уныл твой вид, как твой неверен шаг!
Так чем же будешь ты? Идилликом усталым,
На небо глупое глядящим сквозь окно
Глазами демона и взором одичалым?
Не значит ли – совсем упасть на дно?
Довольно ли с тебя такой простой развязки
Романа? Кто другой (смышленей, может быть),
За скрипки заплатив, хотел бы видеть пляски
И не боялся бы прохожих раздражить.
Поройся в уголках своей души. Нельзя ли
Оттуда выхватить блистательный порок,
Красивый, дерзостный, как саблю доброй стали,
И в небо устремить блистающий клинок?
Быть может, не один, а несколько? Отлично!
Иди же на войну и без разбора всех
Рази! Личиной скрыв беспечности приличной
Неутоленный гнев и безнадежный смех!
Не надо быть глупцом в сей жизни пустозвонной,
Где в счастье ничего пленительного нет
Без грез порочности, немного извращенной!
И злом за зло платить, – да будет твой завет!
– Людская мудрость? Ах! Мечты иным согреты!

В том прошлом, что сейчас ты мне изобразил,
Давая горькие и строгие советы, —
Я помню лишь то зло, что сам я совершил!
Из всех случайностей моей бродячей жизни,
Из всех жестоких "бед", из всех моих дорог,
Из голосов вражды и злобной укоризны
Я помню лишь одно – как милосерд был Бог!
Мои мучения все были справедливы,
Никто не виноват, что лил я много слез,
Но, может быть, и я познаю в день счастливый
Прощение и мир, что всем дает Христос!
Да, жалко быть глупцом в сей жизни преходящей,
Но лучше в вечности венец свой заслужить,
И нам гласит закон единый, настоящий:
Не злом за зло платить, но всех и все любить!

Обманчивые дни весь день, весь день горели;
Заката на меди теперь они дрожат,
Закрой глаза, душа, довольно мы смотрели!
О, искушения! – Они нас сторожат.
Весь день, весь день они горели беспощадно,
Сжигая виноград на склонах, под горой
Хлеба созревшие и опаляя жадно
Небесную лазурь, что пела над тобой.
О, побледней, душа, иди, ломая руки.
Ужели те "вечера" святому "завтра" вновь
Грозят? Безумия ужели живы муки?
Воспоминания убей, убей. Любовь!
О, грозный приступ зла! Последний, без сомненья?
Иди, душа, молись! Молись до исступленья!

Жизнь скромная, с ее нетрудными трудами!
В ней целый подвиг есть – служение любви!
Веселым быть, следя все те же дни за днями,
Быть сильным, чувствуя, что гаснет жар в крови!
Знать, слышать в городах, меж всеми голосами,
О Боже! Лишь одно: колокола твои,
И, повинясь сам велению: "Живи!",
Свой голос смешивать с грядущими волнами.
С желаньем каяться – меж грешниками жить.
Любить молчание – и бесконечно длить
Терпения часы здесь, в жизненной пустыне,
Сомненья детские раскаяний живых
И тщетные мечты о радостях святых...
"Прочь! – ангел говорит, – все доводы гордыни!"

О ГОРДОСТЬ! Мощный крик, валторны зов глухой,
Огни кровавых звезд на броне золотой...

Шатаешься, огнем и дымом опьяненный...

О гордость! Мощный крик, валторны зов глухой!

О НЕНАВИСТЬ! О звон над морем, заглушенный

В снегу. Так холодно. Бессильный, утомлении,

Пугаешься, бежишь на пристань. В тишину.

Там молкнет колокол, далекий, заглушенный.

О СТРАСТЬ! О странный шум, неясный, как во сне.

Все пьяны. Кажется, им весело вполне.

Глаза, и имена, и бред духов банальных,

В котором гаснет шум, неясный, как во сне.

О ЗАВИСТЬ! Ряд теней – в тумане. Ряд венчальных

Кортежей. Тысячи – препятствий. Круг печальных

Трудов: весь пышный цирк движений мировых!

Под тихий скрипок звук, под гул пиров венчальных.

О ГНЕВ! Угрюмый стон! О СКОРБЬ о днях былых!

О ИСКУШЕНИЕ! – Был должен слышать их

И я для глухоты молчанья неземного!

ГНЕВ, ИСКУШЕНИЕ и СКОРБЬ о днях былых!

Умрите, Голоса, чтоб не воскреснуть снова!

Вы – смертны! Вы – мечта! Вы – звук пустой! Вы – слово!

Риторика греха! Метафоры без крыл!

Умрите, Голоса, чтоб не воскреснуть снова!

Я более не тот, каким когда-то был.
Умрите же во мне, в немой тиши могил,
Под тайные мольбы души перерожденной!
Я сердцем, я душой не тот, каким я был!
Умрите в голосах молитвы умиленной!
Она у райских врат стоит, как страж бессонный,
И скажет в страшный день: "Умри" или "Живи!"
Умрите в голосах молитвы умиленной
И в страшных голосах ликующей ЛЮБВИ!

Враг принимает облик Скуки
И говорит: "К чему, мой друг?"
Но я смеюсь, сжимая руки.
Враг принимает облик Тела
И шепчет: "Посмотри вокруг,
Вот женщина!" – Молчу я смело.
Враг принимает облик новый,
Он – ангел света, шепчет вновь:
"Что твой порыв, твой пост суровый,
Пред тем, что сердце должно Богу!
Как смерть, сильна ль твоя любовь?"
Твержу: "Иду я понемногу!"
Он – логик от начала света,
Я должен обуздать свой ум
И не искать ему ответа,
КТО ЭТО, зная без сомненья!
Пусть жизни раздастся шум,
Молиться буду о смиренье!

О Боже, Ты меня любовью ранил,
И эта рана вся еще дрожит!
О Боже, Ты меня любовью ранил.
О Боже, Ты меня постигнул страхом,
И след ожога – как гремящий гром! —
О Боже, Ты меня постигнул страхом.
О Боже, я познал, что все ничтожно,
И слава Божия вошла в меня!
О Боже, я познал, что все ничтожно.
О пусть мой дух в Твоем вине утонет,
Пусть будет жизнь – хлеб Твоего стола!
О пусть мой дух в Твоем вине утонет.
Вот кровь моя, что я еще не пролил,
Вот плоть моя, что недостойна мук!
Вот кровь моя, что я еще не пролил.
Вот лоб, что должен был краснеть всечасно,
Пусть будет он ступенью ног Твоих!
Вот лоб, что должен был краснеть всечасно.
Вот руки, что работать не умели,
Пусть фимиам и угли в них горят!
Вот руки, что работать не умели.
Вот сердце то, что билось понапрасну,
Пусть пред Голгофой и оно дрожит!
Вот сердце то, что билось понапрасну.

Вот ноги, путь свершившие ненужный,
Пусть поспешат на благодный Твой зов!
Вот ноги, путь свершившие ненужный.
Вот голос, звук неправедный и лживый,
Пусть горькие упреки он твердит!
Вот голос, звук неправедный и лживый.
Вот взор, вперявшийся на заблужденья,
Пусть слепнет он в молитвенных слезах!
Вот взор, вперявшийся на заблужденья.
О Господи! Бог жертвы и прощенья!
Нет мер неблагодарности моей!
О Господи! Бог жертвы и прощенья!
О Господи! Бог святости и страха,
Бездонны пропасти моих грехов!
О Господи! Бог святости и страха.
О Господи! Бог радости и мира,
Мое неведение, мой страх – томят!
О Господи! Бог радости и мира.
Все это знаешь Ты, все это знаешь,
И то, что я беднее всех других!
Все это знаешь Ты, все это знаешь.
Но что могу, все отдаю Тебе.

Законы, числа, краски, ароматы!..
Слова бегут в испуге, как цыплята.
Рыдая, Тело никнет на кресте.
Нога, ты топчешь грезы, а не травы!
И зов толпы, прельстительно-лукавый,
Звучит вокруг в немолчной суете.
О небо, где плывут надежды наши!
Цветы, что никогда не будут чаши!
Вино, и вдруг – жест проскользнувший твой!
Грудь женщины с ласкающей игрой!
Ночей ленивых ложа голубые!..
– Что этот бред пленительных услад?
Что этих пыток бесконечный ряд?
И что – мы, грешники, и вы, святые?

Охотничий рожок рыдает у леска
Печальной жалобой, как будто сиротливой.
И молкнет этот звук над опустелой нивой,
Сливаясь с лаем псов и свистом ветерка.
Но вскоре новый стон звучит издалека...
Не волчья ли душа в нем плачется тоскливо?
А солнце за холмом, как будто бы лениво,
Скрывается; кругом – и сладость и тоска!
И, чтоб усилить миг подавленной печали,
Вуалью белой скрыв огни багряной дали,
Как нити корпии, снег реет на поля;
И воздух – словно вздох осенний, утомленный.
Но кроток без конца весь вечер монотонный,
В котором нежится усталая земля!

О человечества безмерность,
Былые дни, благой Отец,
И верных доблестная верность! —
Путь обретенный наконец!
Здесь все громадней и могучей,
Чем однодневка-человек,
И черны, как завесы, тучи,
Закрывшие идущий век.
Вожатаю сей жизни грешной —
Повиновенью – дух предай!
О, в поле, вспаханном успешно,
Единой Церкви урожай!

Прекраснее море,
Чем наши соборы,
На вольном просторе
Немолчные хоры,
Могучей стихии —
Гимн Деве Марии!
То яростный гром,
То нежный напев,
Сливаются в нем —
Прощенье и гнев.
В безмерности вод
Ни дум, ни забот.
О! Ты терпеливо
И в буре мятежной!
Поешь ты призывы
Так вкрадчиво-нежно:
"Кто чужд упований,
Умри без страданий!"
Средь песен земных
Нет песни милей
Стальных, голубых,
Зеленых зыбей.
Твое торжество —
Прекрасней всего!

То – празднество хлебов, то – светлый праздник хлеба,
В моей родной стране, что вновь я увидал!
Природа, люди, шум в потоках света с неба,
Столь ярко-белого, что тени отсвет – ал!
Колосьев золото под взмахом кос ложится,
И отражает блеск мелькающая сталь.
Людьми покрытая, спешит перемениться
И новый лик принять ликующая даль.
Все – впопыхах, все вокруг – усилье и движенье,
Под солнцем, что палит снопов встающий ряд,
И, неустанное, на склонах, в отдаленье,
Вливает сладкий сок в зеленый виноград.
Трудись, о солнце, лей на гроздья и на нивы
Свой свет! Людей пои ты молоком земли
И в чашах им давай забвенья миг счастливый!
Жнецы! Работники! Вы счастье обрели!
Не явно ль с вами Бог в труде большом и мерном,
И в винограднике, и на полях с серпом?
Собирает Он, Он жнет, распределяя верным
И Плоть и Кровь Свою в причастии святом!

ИСКУССТВО ПОЭЗИИ

О музыке на первом месте!
Предпочитай размер такой,
Что зыбок, растворим и вместе
Не давит строгой полнотой.
Ценя слова как можно строже,
Люби в них странные черты.
Ах, песни пьяной что дороже,
Где точность с зыбкостью слиты!
То – взор прекрасный за вуалью,
То – в полдень задрожавший свет,
То – осенью, над синей далью,
Вечерний, ясный блеск планет.
Одни оттенки нас пленяют,
Не краски: цвет их слишком строг!
Ах, лишь оттенки сочетают
Мечту с мечтой и с флейтой рог.
Страшись насмешек, смертных фурий,
И слишком остроумных слов
(От них слеза в глазах Лазури!),
И всех приправ плохих столов!

АЛЛЕГОРИЯ

Слепое, тяжкое, властительное лето!
Как деспот праздный ты, следящий пыток ряд,
С своим сообщником, потоком ярким света!
Устав, зеваешь ты. А люди грузно спят,
Покинув все труды. И жаворонок звонкий
Не пел. Ни ветерка, ни облачка, все спит.
Натянута лазурь, как некий завес тонкий,
И в неподвижности молчание скользит. —
Кузнечики в траве молчат в изнеможенье.
По пестрым камешкам не скачут ручейки,
Полуиссохшие, и не поят реки.
Лишь неустанное и яркое вращенье
Муара движется, в обманчивой дали,
И, черно-желтые, проносятся шмели.

ГОСТИНИЦА

Под кровлей красною гостиница! Отрада
Для всех, кто долго шел по пыли в знойный день:
Гостиница "Восторг"; из ближних деревень
Вино, и мягкий хлеб, и паспорта не надо!
Здесь курят, здесь поют, здесь можно ночевать.
Хозяин – старых дней солдат; но молодая
Хозяйка про любовь болтает, попевая
Пяток своих ребят поить, кормить, чесать.
Со стен бревенчатых "Малек Адель" и "Маги"
Приветствуют гостей, исполнены отваги,
И в комнате стоит приятный запах щей.
Чу! Слышишь мерный шум? То голосом гудящим
Завторил котелок с плиты – часам хрипящим...
В открытое окно глядит простор полей.

ПРОЛОГ

Все это – сумрака созданья,
Виденья ночи пред концом.
О Истина, твое сиянье
Лишь первым светит им лучом!
В них все так бледно, все так хило,
Что взором кажется скорей:
Их не луна ли сотворила
Под зыбким ужасом ветвей.
Иль эти сумрачные тени,
Вдруг облик восприяв живой,
Смешаются с семьей творений
На светлой сцене мировой
И будут громко славить Бога
В напевах чистых и простых,
Под ярким солнцем, до порога
Небес нетленно голубых.

ПИСАНО В 1875 г.

Мне не забыть, как жил я в лучшем из дворцов,
В пленительной стране потоков и холмов;
Он с четырех сторон был башнями украшен,
И жил я много дней в одной из этих башен.
Снаружи сложен был дворец из кирпича,
И ало он горел под ласкою луча,
Но известь (белая, как первый снег восхода)
Внутри смягчала вид и стен и арки входа.
О утро наших глаз! Душе живой привет!
О пробужденье чувств усталых! Белый цвет!
Ты – слава старости! Ты – цвет покровов райских!
Меж лестниц выющихся, и медных и стальных,
С убогой роскошью, уж стершейся на них,
Тот сине-белый цвет, любовный, умиленный,
И черной полосой от пола отдаленный, —
Весь день мой наполнял молчаньем, чистотой,
Чтоб ночь шептала сны о тверди голубой!
Дверь под замком всегда, стол, стул и небольшая
Кровать, где можно спать, весь мир позабывая,
Достаточно светло, достаточный простор:
Вот много месяцев, что знал мой скорбный взор.
Но эта комната вовек не услышала б
На дни и на затвор моих унылых жалоб!
Напротив, вновь теперь мир видя пред собой,

Жалею горько я два года в башне той!
То был желанный мир, мир подлинный, высокий,
Та жесткая кровать, тот стул мой одинокий!
Я сознавал вполне, что здесь я – сам с собой,
И полюбил я луч, ослабленный, немой,
Входивший медленно, как друг, товарищ давний
И заменявший мне сияние сквозь ставни.
На что нам радостей унынье и тщета,
Когда лобзало нас страдание в уста!
(О, много ценного в себе таит страданье!)
И почему мы так страшимся наказания
Быть в одиночестве, быть без других? Ужель
Общение людей столь дорогая цель?
Я счастлив в башне был, хоть был для всех беднягой,
И никого мое не соблазняло благо!
(О, счастье чувствовать, что ты бедней других,
Что зависти к себе не возбуждаешь в них!)
Дни одиночества делил я равномерно
Между молитвою и книгами. Наверно,
Святые жили так! Я чувствовал вполне,
Что неба уголок доступен стал и мне!
Я не был более в толпе, в людском пороке,
Где даром третишь пыл, где, как голыш в потоке,
Невольно катишься! Я был среди сердец
Покорных, что в тиши к Себе зовет Отец.
Я духом возрастал, был добрым, скромным, верным,
Все выше восходил усилием размерным:
Так зреют на полях с неспешностью хлеба.
И тихо обо мне заботилась Судьба.

Два раза или три на дню служитель строгий
Безмолвно приносил воды, обед убогий
И ужин. Было вокруг все тихо. Лишь часов
Был слышен издали широкий, звучный зов.
Я жил свободой там, единственной, не мнимой!
Я жил с достоинством, ото всего хранимый!
Приют, который я, чуть бросив, пожалел!
Дворец магический, в тебе мой дух созрел!
В тебе утих порыв моих страстей безумных,
Вращавшихся в душе в каких-то бурях шумных!
Дворец, алеющий, под ярким солнцем днем,
И белый, дремлющий в безмолвии ночном!
Как доброго плода, еще твой вкус мне сладок,
И утоляет жар случайных лихорадок!
О будь благословен! Ты дал мне новых сил,
Ты Верой с Кротостью меня вооружил,
Ты дал мне хлеб и соль, и плащ – на путь пустынный,
Такой томительный и, без сомненья, длинный!

ОТРЫВОК

Так просто, как в огонь льют нарды дорогие
И как за родину мы проливаем кровь,
Хотел бы я излить всю душу, всю любовь
В один прекрасный гимн, в тропарь Святой Марии!
Но – бедный грешник я! И грубый голос мой
Меж ясных голосов мешал бы, слишком странный!
Вином земной лозы еще позорно пьяный,
Он мог бы оскорбить слух чуткий и святой..
Нет! Будь душой – как ключ нагорный; как эмблему,
Дитя, одетое в лен легкий, избери;
Ягненку, в кроткий взор, без трепета смотри;
Невинности прими без страха диадему; —
Тогда посмей взнестись в восторженной хвале
К Марии Матери, к Марии непорочной,
Витающей меж Сил, во области заочной,
Ногами чистыми стоящей на земле!..

НА СМЕРТЬ ЛЮСЬЕНА ЛЕТИНУА

И думал я, идя за траурным кортежем:
"Так Бог тебя призвал, когда невинным, свежим
И радующим взор ты в жизни был цветком!
Позднее женщина взяла б тебя. С огнем
В душе страдающей ты к ней бы устремился
И горько бы в ее объятьях жадных бился...
Но скоро б испытал ты благородный страх
И вновь вернулся бы, с молитвой на устах,
Ты к Добродетели и к Простоте; ты снова
Расцвел бы лилией, чтоб под грозой сурковой
Страстей скончалась ниц, но поднялась опять,
Чтоб тише, чтоб светлей, чтоб радостней сиять
Во славу Вечного..."
Так думал я, и было
Так странно это все мне думать над могилой!

К СЫНУ²

Я книгу шлю тебе, как некогда Овидий
Свои стихи – в далекий Рим.
Он изгнан был... А я – томлюсь в иной обиде:
Я с сыном разлучен моим.
Увижу ль я тебя? Каким? – Мне неизвестно...
Но мой завет произнеси:
Верь в Бога, никого не ненавидь, и честно
Ты имя честное носи!

² Жоржу Верлену

ПОДРУГИ

I. ВЕСНА

Склоняясь все ближе и ближе
К подруге, дрожащей несмело,
Она обжигает ей тело
Косой, ослепительно рыжей.
И шепчет, и шепчет чуть слышно
Ребенку, готовому вскрикнуть:
"Рукам дай, устам дай приникнуть
К той розе, свернутой, но пышной!
Дитя, ты – цветок нераскрытый,
Роса на нем дышит так сладко,
Дай капли те выпить украдкой,
Чтоб вспыхнули краской ланиты,
Чтоб страстью зарделися щеки,
Как светит заря на востоке".

II. ЛЕТО

И та отвечает в испуге,
Как стебель, сгибаясь бесшумно,
Под вихрем, под лаской безумной
Своей иступленной подруге:
"Сестра! О, оставь! Умираю!
Мне страшно, мне все непонятно..
Но тело твое ароматно,
И губы палят меня. Таю.
В твоём опьяняющем теле,
Смущающем зрелостью лета,
Есть сумрак и нега качелей.
Твой голос не хочет ответа,
И волосы, полны отравой,
Струятся волною кровавой!"

НА СТАТУЮ ГАНИМЕДА

Как, здесь, где я живу в усладе,
Забыв тревоги прошлых лет,
Ты вновь, и спереди и сзади,
Прелестный мальчик, Ганимед!
Орел, как будто бы влюбленный,
Тебя схватил среди цветов
И вносит, мощно окрыленный,
К веселой трапезе богов.
Туда, за этих гор вершины,
За этот сумрачный Ревар,
На нас бросая взор орлиный,
А на тебя – взор, полный чар.
О, мальчик мой, останься с нами!
Я так, тебя увидя, рад!
Нас поцелуй, утешь словами,
Ведь ты – ведь ты наш младший брат!

ПЬЕРО

Не Пьеро, в траве зеленой,
Не Пьеро, в поля влюбленный,
Но Пьеро, Пьеро, Пьеро!
Он – мальчишка, парень смелый,
Без скорлупки плод незрелый,
Вот Пьеро, Пьеро, Пьеро!
Ростом он не выше метра,
В голове – гулянье ветра,
Но в глазах сверкает сталь!
Как на месте искра эта
У проказника поэта,
Что не знает про печаль!
Губы – алые, как рана,
Где разврат уселся рано,
Зубы – белые зубцы;
И лица овал античный,
Бледный, тонкий и привычный
Созерцать, смеясь, концы...
Тело хило, но не тонко;
Голос – как у девы звонкий;
Тело мальчика, а смех
Головной, как нож тревожит!
Существо, что сразу может
Опьянить желанья всех!

Милый брат, товарищ старый!
Будь чертенком, делай чары
И в Париже, и в мечтах,
И в стране, нам неизвестной!
Низкий, гордый, злобный, честный,
Будь душою в наших снах!
Вырастай – на диво миру,
Грусть богатую кубируй,
Утroyай веселость ты!
Искаженья и прикраса,
Символ верный и гримаса
Нашей новой простоты!

О будь из бронзы! Будь из мрамора! Но все же
Из плоти будь! – Цени свой гордый дух дороже
В борьбе с случайностью вседневных перемен,
Чем волос бороды, чем кровь бессонных вен;
Но все ж живи! – Живи для мук и искупленья!
Покаявшись, опять бросайся в иступленье
Страстей, и свой стакан испей, испей до дна!
Живи в прискорбный век, когда твоя страна,
Когда вся Франция отвергла помощь веры
(За родину свою считай иные сферы,
Где ждет тебя Отец божественный – Господь!)...
Но все ж из плоти будь! Люби земную плоть,
Которой и Христос себя облек когда-то!
В ней все таинственно, освящено и свято,
С тех пор, как некогда Учитель, скорбь тая:
"Ядите, – произнес, – сие есть плоть Моя!"
Та тайна велика. Из плоти покаянной
Создай оружие победы неустанной
Над гордостью, что нам, чрез ту же плоть, порой
Внушает сатана. Ты гордости иной
Ищи: божественной, единственной на свете.
Все цели прочие – лишь дьявольские сети!
О да! Из бронзы будь! На грудь надень доспех,
Чтоб храбро отражать нас стерегущий грех:

Смиренья, Кротости, Стыда, Молчанья, Бденья.
И будь из мрамора! Под шлемом Убежденья,
Глядя уверенно на блещущую высь, —
С благоговением на паперти склонись!

Того, что я писал, назад я не беру,
Все это думал я, и было правдой это,
И сохранию я все до дня, когда умру,
Былым, нетронутым, в волненьях новых света,
В упорной ярости и в гордости немой!
И, как выходит сталь из сплава руд и шлака,
Я выйду наконец из горестного мрака,
Я выйду, закален и горем и борьбой!
Я выйду – для любви, вполне простой и нежной,
В которой бы душа таилась безмятежно...
Прочь все "парижское", и грязь его и гнет!
Да здравствует наш вкус французский! Вкус Гаскони,
Шампани, Артуа, Аргонны и Бургони,
И сердце, – черт возьми! – что сердцу весть дает!

Снежных хлопьев вереницы
Мчатся, вьются под луной,
Закрывая пеленой
Крыши сумрачной столицы
В час служенья всенощной.
Лондон медленно дымится.
Перед каждою плитой
Ужин варится простой.
И семья за стол садится
В час служенья, в час ночной.
Там, в Париже, смех блудницы,
Вина пролиты рекой.
И смешался стон глухой
С пеньем уличной певицы,
В час пирушки, в час ночной.
Ждет сияния денницы
Умирающий больной.
Нет надежды ни одной
В стенах сумрачной больницы...
А вокруг лишь мрак ночной.
Вот несется, вот струится
Светлый благовест волной,
Прочь от тяготы земной
Он зовет нас всех – молиться

В час служенья всенощной!

– Холодно как в стужу мне!
Больно, больно, как в огне!
Ноют кости, стонет тело,
Сердце, сердце онемело!
Брошен я среди снегов,
Как добыча для волков!
Жгут лицо, и грудь, и руки
Торжествующие муки!
Слава где? Где жизнь моя?
Не в чистилище ли я?
Или в бездне преисподней,
Где затмился лик Господний?
"Может, горек жребий твой,
Но его хотел Другой,
Некто Правый, Некто Сильный...
Что пред ним твой дух бессильный?
Ты упал в пучину зол,
Но тебя сюда привел
Тот, Чья воля – благо людям..
Мы ли с нею спорить будем?
Унижения твои —
Знак Божественной любви!
Если, в скорби неизменной,
Ты чуждаешься вселенной,

Это – с неба на тебя
Смотрит чей-то взор, любя.
Кто твои враги ночные?
Это – ангелы святые;
Их угрозы и их гнев —
То любви небесный сев!
Полюби свои распятыя;
Это – отчие объятья!
Язвы тела поцелуй,
Ниц пади и возликуй!
Пусть ты в муках изнемог, —
В них тебе предстанет – Бог!"

ВЕЧЕРНЯ

Чуть замолкнул колокол
Посредине Gloria.
В обычный час вечерни
Несут Святое Миро
С торжественным кортежем
Пресвитеров, левитов.
Моросит, и мокрый снег —
Засыпает все и всех.
Отдернута завеса:
Свечей нет у престола,
Решетка в черном крепе,
Орган святой безмолвен.
И тумана пелена
В небесах еще бледна.
Зажглись повсюду свечи;
Кропят святой водою,
И сладостные звуки
Уносятся к амвону.
Полон света, из-за туч
Засиял приветный луч.
Gloria. Вновь колокол
Слышен. Аллилуйя.

Равнину мне рисуют грезы
И посреди большой собор.
Река, приток какой-то Мезы,
Стремится к морю, на простор.
И чуешь дали Океана,
Вдыхая водорослей йод,
И крест, блестящий из тумана,
Меж башен высоко встает.
Колокола на колокольне
Поют – напевы серебра,
И все скорее, все безвольней
Крутятся с ветром флюгера.
Процессии, светло и мерно,
Идут – из юношей и дев,
Живые четки, шелк и перлы!
Звучит молитвенный напев.
И это все – не сон, не бденье,
Не рай и не земная твердь:
Все то – мое мировоззреньё,
Моя, в обличье милом, смерть!

Ты не совсем верна, быть может.
Но я – не очень я ревнив.
Нам это жить вдвоем поможет:
Счастлива ты – и я счастлив!
Люби и славь любовь, кто может!
Тебе известны и знакомы,
На радость опытных людей,
Такие хитрые приемы,
Что не придумаешь милей!
Дари их прихоти моей!
Я знаю: шутят зло иные...
Тебе уж не шестнадцать лет...
Но эти плечи наливные
И твой наполненный корсет...
О! О! У девушек их нет!
"Эге! – смеются злые люди —
Давно у вас остыла кровь!"
Но лишь твои увижу груди,
И мой черед смеяться вновь.
Люби, кто жив, и славь любовь!

Пропал бы я бессонной ночью,
Когда б не ты со мной воочью
Всем телом молодым была!
И не привыкшие к лобзаньям,
К притворно хитрым восклицаньям
Твои уста – источник зла!
Уста, которые так лживы,
Но так приветливо болтливы
И о любви твердят порой
Мне с откровенностью великой!
Уста, что словно земляника
В полях созревшая весной!
И не пентакль твоих желаний,
Не чудеса очарований,
Многообразных и простых,
Двух глаз твоих, двух глаз колдуньи,
То чаровницы, то вещуньи...
Бог мой! Пропал бы я без них!

ASPERGES ME

Иссопа ломкий стебель, сжимаемый Творцом,
Мне даровавшим жизнь, и милость, и прощенье,
Я, если мой порыв чист пред Его лицом,
Другому указать могу пути спасенья!
И, как язычник мог при крайности крестить,
Так, недостойный, я, когда, молясь смиренно,
Стремится кто-нибудь томленья облегчить,
Могу ему открыть глаза на мир нетленный!
По милосердию, избранному Тобой,
О, сжался, Господи, над тьмой моих страданий
И сердце, взросшее меж тяжких испытаний,
К Тебе влекомое, как рану, успокой!
Дай волю мне – идти вперед, дорогой длинной,
Исполнить свой обет – и, обращая в храм
Всю жизнь, я воспою гимн Троице Единой,
Гимн Богу, в небесах, недостижимых нам!
Отцу Создателю, Чьи помыслы глубоки,
Христу Спасителю, Кто миру – судия,
Святому Духу, Кем глаголили пророки,
Я, в ком кипит вся кровь, ничтожный грешник, я
Сжимаемый Творцом, я, ломкий стебель иссопа!

ПОСЛЕ ВЕЧЕРНИ

Покинув Париж, приходишь в Notre-Dame,
Там шумы улицы слились в аккорд чуть слышный,
И солнце яркое в тени немеет там,
Пройдя цветных окон узор чудесно пышный.
Спокойной тишиной исполнен этот дом:
В нем явно властвует единый царь – Всевышний.
Вечерни отошли; над черным алтарем
Лишь шесть мерцает свеч; но веет ароматом,
Где с фимиамом слит воск, капавший дождем.
Вот прочтены часы; во мраке синеватом,
Как добрая гроза, звучит суровый хор:
И своды древние отвечают кантатам.
И полон пением весь сумрачный собор,
Где день, ослабленный Святыми, Королями,
Колеблет в высоте свой теневой узор.
И все здесь говорит о мире, о, словами
Святыми прогнанных, ночных страстях; с колонн
Надежда тянется незримыми руками.
О неземной восторг! Сияет светом он,
Сосредоточенным в луче единой Правды!
Да, бесконечно прав экстаз твой, Симеон!
Так предадим же дух мы в руки Бога Правды!

ПРОЛОГ

Любовь, любовь неутомима!
Как дьявол, – яростью томима,
Мила, – как вздохи херувима!
Любовники неутомимы;
Как дьяволы, неумолимы,
Настойчивы, как херувимы!
Вокруг неопытных сердец,
Бродя, как волк вокруг овец,
Они их ловят наконец.
Любовник – он всегда хитрец!
Нахохлившись, как голубь, лжец
Умеет положить конец!
А все любви метаморфозы!
Уста – гранат, ланиты – розы,
Смех грустный, сладостные слезы!
И все, о чем немеет греза!
Цель и причина, стих и проза!
Стоит пион, раскрыта роза!

ПЕСНЯ К НЕЙ

Мне говорят, что ты – блондинка
И что блондинка – неверна,
И добавляют: "Как былинка..."
Но мне такая речь смешна!
Твой глаз – яснее, чем росинка,
До губ твоих – душа жадна!
Мне говорят, что ты брюнетка,
Что взор брюнетки – как костер,
И что в огне его нередко
Сгорает сердце... Что за вздор!
Ты целовать умеешь метко,
И по душе мне твой задор.
Мне говорят: "Не будь с шатенкой:
Она бледна, скучна чуть-чуть..."
Смеюсь над дружеской оценкой!
Дай запах кос твоих вдохнуть,
Моя царица, – и коленкой
Стань, торжествуя, мне на грудь!

НА СМЕРТЬ ВИЛЬЕ ДЕ ЛИЛЬ-АДАНА

И ты от нас ушел, как солнце сходит в море
За тяжелой завесой пурпуровых огней,
Устав одно сиять в торжественном уборе
И над немой землей и над тоской теней.
Да, ты от нас ушел, спокойный, примиренный.
Ты знал, что в небесах найдешь отчизну вновь:
Для сердца чистого там праздник просветленный,
Там пламенной любви отсутствует Любовь!
Мы медлим, о тебе храня воспоминанье
Здесь, на земле, в мечтах, немеющих давно.
Как сладостный елей для наших душ оно!
Вилье де Лиль-Адан! Мы жаждем дня свиданья!
Когда бессмертный свет зальет земную тьму,
Мы воспоем хвалу величью твоему!